

Предания о войне с Аблаем-тайши в фольклорном цикле Мазан-батыра

Борис Ю. Сенглеев

Независимый исследователь, Москва, Россия, jingnh@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена преданиям о Мазан-батыре, популярном герое калмыцкого исторического фольклора, в которых он противопоставлен враждебному хану – сопернику калмыцкого правителя. Будучи менее популярными, чем другие типы повествований об этом герое, соответствующие тексты все же регулярно фиксировались с начала XX в. и до наших дней. Представляется, что к настоящему моменту накоплено достаточно материала для аналитического рассмотрения данного пласта устной традиции.

Исторической основой рассматриваемого сюжета являются события 1671–1672 гг., в ходе которых хошутский тайши Аблай (Овла тээш) вторгся в калмыцкие кочевья, но был побежден Аюкой-ханом. Доподлинно неизвестно, участвовал ли в этих событиях исторический Мазан-батыр, однако в фольклорной версии этого конфликта ему нередко отводится центральная роль. Герой командует калмыцким войском, наносит поражение силам Аблая, а самого тайши одолевает в поединке и захватывает в плен. Это, вкупе с рядом иных особенностей, рассматривается как результат воздействия моделей эпического творчества на традицию преданий.

Другой интересной особенностью данного сюжета является достаточно высокая приближенность к историческим реалиям (насколько уместно говорить об этом в контексте фольклора). Большая часть действующих лиц преданий может быть соотнесена с различными фигурами калмыцкой истории, ряд описываемых в них событий подтверждается письменными источниками, а применяемые Мазан-батыром тактические приемы имеют прямые аналоги в традиционном военном деле монгольских народов.

Ключевые слова: калмыцкий фольклор, Мазан-батыр, исторические предания, эпос, военное искусство калмыков

Для цитирования: Сенглеев Б.Ю. Предания о войне с Аблаем-тайши в фольклорном цикле Мазан-батыра // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 4. С. 54–75. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-4-54-75

Historical legends of war with Ablai-taishi in the Mazan-batyr folklore cycle

Boris Yu. Sengleev

Independent researcher, Moscow, Russia, jingnh@inbox.ru

Abstract. The article deals in the historical legends about Mazan-batyr, a popular hero of the Kalmyk folklore, in which he thwarts hostile khan – the rival of the Kalmyk ruler. Although less popular than other types of narratives about that hero, the corresponding texts have been still regularly recorded from the beginning of the twentieth century to the present day. It appears that by now enough material has been accumulated for an analytical study of such a layer in oral tradition.

The main plot of those legends seems to be loosely based on the events of 1671–1672, during when the Khoshut taishi Ablai (Ovla tæəsh) invaded the Kalmyk nomad territories, but was defeated by Ayuka Khan. While there is no evidence that the historical Mazan participated in those events, the folklore accounts often make him one of the central figures in the conflict, usually as the leader of Kalmyk forces who defeats the forces of Ablai, and in a single combat champions over Taishi himself and captures him. This particular discrepancy, as well as the number of other features, is generally viewed as a result of the influence of the oral epic poetry on the legendary narratives.

Another interesting feature of the plots is a relatively high degree of historical accuracy, as far as the historical accuracy in folklore studies goes. The most part of the characters in these legends can be correlated with the various figures of Kalmyk history, also a number of the events described in them are confirmed by different written sources, and the tactical techniques used by Mazan-batyr have direct analogues in the traditional warfare of the Mongol people.

Keywords: Kalmyk folklore, Mazan-batyr, historical legends, folk epic, Kalmyk warfare

For citation: Sengleev, B.Yu. (2020), “Historical legends of war with Ablai-taishi in the folklore cycle of Mazan-batyr”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 4, pp. 54–75, DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-4-54-75

Мазан-батыр – популярный герой калмыцкого исторического фольклора. Его образ встречается в преданиях и легендах, фигурирует в исторических песнях, имеются определенные свидетельства того, что с его именем были связаны практики ритуально-магического характера.

Общая характеристика героя в этом своеобразном цикле уже проводилась нами ранее [Сенглеев 2017]. В данном исследовании

было отмечено, что Мазан-батыр во многих отношениях близок эпическому герою, что проявляется как на уровне сюжетов, так и в устойчивых метатекстуальных характеристиках его изображения. В другой статье были отдельно рассмотрены предания о детстве Мазана, также близкие героической поэзии [Сенглеев 2019].

Настоящее исследование посвящено преданиям, в которых рассказывается об участии Мазан-батыра в войне против Аблай-тайши. Эта группа повествований сравнительно немногочисленна, однако соответствующие тексты стабильно фиксировались на протяжении всего активного периода собирания калмыцкого фольклора (первые записи принадлежат еще Номто Очирову, в то время как наиболее свежие относятся к первому десятилетию XXI в.), что свидетельствует об устойчивости этого сюжета.

Характерная черта преданий этого типа – относительно высокая степень «исторической достоверности» (при всей условности подобного определения по отношению к фольклорным текстам), особенно в сравнении с другими группами повествований о Мазан-батыре. В отличие от нарративов о детстве героя, в которых «типология» доминирует над «историей» (вплоть до того, что традиция в таких случаях игнорирует знатное происхождение Мазана), или от преданий о борьбе с богатырем-иноземцем, в которых обобщенно отразились различные события времен откочевки из Джунгарии и основания Калмыцкого ханства, данные предания на уровне сюжета тесно связаны с конкретным событием – конфликтом между калмыцким ханом Аюкой и хошутским тайши Аблаем, разразившимся на рубеже 60–70-х гг. XVII в. Представляется разумным в общих чертах обрисовать ход этого противостояния и сказать несколько слов о его основных участниках.

Исторический контекст

Тайши Аблай был сыном хошутского правителя Байбагасхана. После смерти своего отца он вступил в длительную борьбу за власть со своим сводным братом Очирту (также известным как Очирту Цецен-хан). Потерпев поражение в этом противостоянии, он объединяется с силами своего дяди Кундулен-Убуши и в конце 1660-х – начале 1670-х гг. предпринимает попытку захватить калмыцкие улусы.

В 1669 г. Аблай разоряет яицкие кочевья тайши Пунцока (Мончака) и Шукур-Дайчина (отца и деда Аюки-хана соответственно), причем первый, по-видимому, гибнет во время этого противостояния.

яния. Данный успех, вероятно, был в немалой степени обусловлен тем, что в это время основные силы калмыков выступили в поход с целью возвращения ногайских улусов, уведенных Ямгурчи-мирзой [Тепкеев 2011, с. 32–33].

Гибель Пунцока, занимавшего главенствующее положение среди тайши, вызывает междоусобные конфликты в Калмыцком ханстве. Известно, что в это время дядя Аюки – Бок и Дугар – откочевали к Азову со своими людьми, очевидно не признавая его власти, а также то, что калмыцкому правителю пришлось столкнуться с некоторым противодействием со стороны дербетского тайши Солом-Церена и своего родича Батура [Колесник 2003, с. 96]. Однако все эти разногласия, по-видимому, были преодолены достаточно быстро, поскольку непосредственно борьбу с Аблаем калмыки ведут объединенными усилиями. К сожалению, ход данного противостояния остается в значительной мере неизвестным (вероятно, из-за слабой освещенности этой темы в исторических источниках).

Зимой 1671–1672 гг. сын Аблая Цаган подступает к Астрахани, стремясь нанести окончательное поражение Аюке на реке Ахтубе (приток Волги). В это же самое время калмыцкий хан выступает «из улусов» в сторону Рын-песков (Нарын-песков). Дальнейшие события нам известны, однако уже следующей весной (месяц Цаган Сар) Аюка совершает поход на Яик, где наносит окончательное поражение Аблаю, захватив его с семьей в плен. Дальнейшая судьба хошутского тайши противоречива: по некоторым данным, он умирает во время заточения в астраханском кремле, по другим – оказывается отправлен в Москву вместе с семьей [Тепкеев 2011, с. 38–39].

После поражения Аблая трения между калмыцкими владельцами вновь обостряются. Одним из наиболее релевантных для настоящего исследования последствий этого становится то, что Дугар, обвиненный в измене, тоже оказывается передан царскому правительству вместе со своим сыном Цереном и не возвращается в Поволжье (известно, что Церен со временем принял православие и служил стольником при дворе царя Алексея Михайловича) [Митиров 1998, с. 97].

Роль *исторического* Мазан-батыра в этих событиях в настоящее время не ясна. Нельзя даже с уверенностью сказать, участвовал ли он в конфликте Аюки и Аблая. Имя героя не фигурирует ни в письменных источниках, ни в первом известном нам фольклорном варианте предания о данной войне, сюжет которого был зафиксирован известным востоковедом Г.С. Лыткиным в конце 50-х гг. XIX в. (сообщается, что Аюка одерживает победу над Аблаем и возвращает себе отцовский улус с помощью своих родичей

Дугара, Назара, Лоузана и дербетского тайши Солом-Церена)¹. Таким образом, есть основания предполагать, что его фигура была приурочена к данному сюжету позднее. В любом случае, не вызывает сомнений то, что положение, которое занимает в данных преданиях Мазан-батыр, является результатом некоторого преувеличения, возможные причины которого будут обсуждаться ниже.

Экспозиция

В целом предания о войне с Аблаем-тайши отличаются довольно рыхлой организацией, особенно по сравнению с другими популярными разновидностями фольклорных повествований о Мазан-батыре. Поэтому говорить о структуре применительно к ним можно лишь в самом общем смысле: о завязке конфликта, непосредственной конфронтации (может принимать форму битвы двух войск или поединка героев), а также последующих событиях. При этом для первого композиционного звена характерна высокая степень вариативности как в содержательном плане, так и в отношении протяженности. Взглянем на несколько примеров.

В варианте Н.О. Очирова, записанном в начале XX в., завязкой сюжета выступает ссора торгудского нойона Мазана и Галдамы, сына Цецен-хана, после которой первый решает переселиться на Волгу. За ним следуют и другие знатные люди: Дугар и Бок, одиннадцатилетний Аюка, которого сопровождает его дядя Йерлгян, а также – дербетский нойон Солом-Церен и хойтский тайша (у которого в пути рождается сын, названный Тюмень-Джиргаланом в честь места рождения – города Тюмени; в будущем он станет правителем Хошеутовского улуса). Галдама посылает в погоню за откочевавшими владельцами своего дядю Аблая (Овла) и его сына Цагана, под началом которых находится четыре полка («бух») войска. В свою очередь калмыцкие силы насчитывают три полка (т. е. уступают в численности): одним командуют Дугар и Бок, вторым – Йерлег и Аюка, третьим – Мазан со своим младшим братом Матишем².

Данный пример хорошо иллюстрирует одну из ключевых особенностей преданий данной группы – обилие действующих лиц, большинство из которых в той или иной степени восходят к раз-

---

¹ Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / Сост. А.В. Бадмаев. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 1969. С. 133.

² Памятники фольклора монгольских народов: В 10 т. Т. 4: Легенды и предания на калмыцком, бурятском и монгольских языках / Отв. ред. А.Н. Биткеева, П.Ц. Биткеев. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 184.

личным фигурам калмыцкой и ойратской истории. Так, здесь упоминаются практически все тайши, чье участие в войне с историческим Аблаем обсуждалось выше. Имеются свои прототипы и у других героев. Наибольший интерес в этом отношении представляет фигура Галдамы.

Исторический Галдама был племянником Аблая – младшим сыном Очирту Цецен-хана, пользовавшегося большой популярностью в народе. Показательно в этом отношении то, что Габан Шараб приводит его в числе «беспорочных нойонов»³. Позднее образ Галдамы прочно закрепляется и в устной традиции (можно даже говорить о существовании самостоятельного фольклорного цикла, посвященного деяниям этого героя и его дружины) – предания, легенды и исторические песни о нем фиксировались такими собирателями, как А.М. Позднеев, Номто Очиров и Г.С. Лыткин. Последнему также удалось записать предания, в которых Чаган предстает лучшим другом Галдамы, помогая ему примирять Аблая и Цецен-хана⁴. Присутствие данных образов в повествовании о Мазан-батыре, таким образом, является крайне любопытной точкой пересечения между двумя пластами устной традиции калмыков.

По-своему интересно также и присутствие Тюмень-Джиргала-на. Сведения, сообщаемые преданием об этом историческом лице, демонстрируют довольно высокое совпадение с данными историографии. Исторический прототип данного героя был сыном хойтского правителя Деджита, действительно был назван в честь Тюмени, при этом в пути он осиротел, и вскоре по прибытии в Поволжье его мать стала женой нойона Хошеутовского улуса Замьяна, который впоследствии завещал свою власть пасынку [Генеалогия 2011, с. 15–16]. Ключевое расхождение с историей носит хронологический характер – нойон Деджит бежал к калмыкам почти сто лет спустя после описываемых событий, после падения Джунгарского ханства в 1759 г.

Присутствие данного нарратива в сюжетной канве предания можно рассматривать как пример характерных «процессов селекции, компрессии, интерпретации воспоминаний о героях и событиях исторического прошлого в “классическом” эпосе» [Неклюдов 2015, с. 34]. Примечательным выглядит то, что в данном случае сообщение исторического характера занимает сравнительно неза-

---

³ Лунный свет: калмыцкие историко-литературные памятники: пер. с калмыц. / Ред., сост. А.В. Бадмаев. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2003. С. 105–106.

⁴ Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе... С. 85–86.

висимое положение в сюжете (обратите внимание на то, что об участии отца Тюменя в войне с Аблаем ничего не говорится). Имеются в этом тексте и другие примеры «компрессионных» феноменов, на которых мы подробнее остановимся ниже.

Могут быть проведены определенные параллели исторического характера и в отношении других персонажей данного предания. Так, например, дядя Аюки Йерлгян, по-видимому, связан с Йелденгом – одним из сыновей тайши Хо-Урлюка (основателя Калмыцкого ханства), который исполнял обязанности правителя калмыков во время паломничества своего брата Шукур-Дайчина в Тибет [Гучинов 1968, с. 45]. В свою очередь сведения о братьях Мазан-батыра, правда не называя их по именам, приводит Габан Шараб («У Очироя шесть сынов: старший – Мазан»)⁵. Таким образом, из всех персонажей этого предания, названных по именам, лишь двое не имеют каких-либо прототипов – это нукеры Цагана, фигурирующие в дальнейшем развитии сюжета.

Проявлением фольклорной компрессии, по-видимому, является и то, что в данном повествовании война с Аблаем соединяется также с переселением калмыков в Поволжье. Важно отметить, что при этом традиция отводит центральную роль в этом процессе Мазан-батыру, что красноречиво иллюстрирует тенденцию к надделению его образа особой значимостью. Подобное положение он занимает и в других фольклорных текстах, например в одном из преданий о борьбе с богатырем-иноземцем⁶. Интересно также, что объяснение откочевки – ссора с хошутским правителем – известна и в историографических сочинениях. Так, В.М. Бакунин сообщает, что причиной откочевки Хо-Урлюка из Джунгарии стала «ссора» с «хошоутскими и зенгорскими калмыками»⁷. Подобные представления, возможно, позволяют объяснить, почему в данном предании Галдама и Аблай выступают на одной стороне, хотя в действительности отношения между двумя ветвями правящей династии хошутского дома носили враждебный характер.

Специфическое проявление «фольклорной компрессии» – юный возраст Аюки-хана. В действительности во время войны с Аблаем калмыцкому правителю было около тридцати лет. Однако известно, что в раннем детстве будущий хан был увезен своей

---

⁵ Лунный свет: калмыцкие историко-литературные памятники... С. 86.

⁶ Памятники фольклора монгольских народов... Т. 4. С. 180.

⁷ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Соч. 1761 г. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 1995. С. 22.

матерью ко двору своего деда – джунгарского Эрдэни-Батура, где и пребывал до двенадцати лет, пока его не забрал возвращавшийся из Тибета Шукур-Дайчин [Алексеева 2010, с. 105].

Таким образом, компрессионные процессы придают историческому содержанию предания многослойный характер. Центральным элементом сюжета выступает повествование о борьбе с Аблаем, которое присоединяет к себе нарративы о переселении калмыков в Поволжье (как в первом, так и в частных случаях) и о возвращении Аюки в Калмыцкое ханство.

Интересно, что в других преданиях этой группы нередко присутствует самостоятельный эпизод, посвященный пребыванию Аюки в плену у Аблая и его освобождению, после которого он ищет помощи у Мазан-батыра. В наиболее разработанной форме данный микросюжет встречается в версии предания о войне с Аблаем, записанном от известного знатока фольклора Джугульджана Джанахаева в 40-е гг. XX в., – «Нойтна тууж» (т. е. «Предание/Сказание о Нойтне»)

Рассказывается, что тринадцатилетний Агта, сын калмыцкого хана Нойтны, имеет двух слуг – Тёмр Утцина (Тёмр Утцин) и Эргя-Тюргя (Өргэ Түргэ). Отец предупреждает юношу, чтобы не доверял последнему, называя того изворотливым, проворным и мудрым, но не заслуживающим доверия человеком («навшун, шамдһа, мергн, болв иткл уга күн»), и рекомендует в опасных ситуациях полагаться на первого. Однако Агта пренебрегает советом и в результате оказывается в плену у Авлы-хана (Аблая), после чего Нойтна посылает Тёмр Утцина к нему на выручку. Проникнув тайком во вражеский лагерь, преданный слуга подслушивает разговор между Авлой, его сыном Цаганом и Эргя-Тюргя, из которого узнает, что Агта сломал ногу и был брошен умирать в области, называемой Тринадцать буераков («арвн хурвн бөөрг гидг һазрт кел уга хайчксн бээнэ»).

Тёмр Утцин находит Агту и привозит его к Арша-ламе. Втроем они отправляются в странствие, страдая от голода и холода, пока не встречают кибитку некоего богача. Поначалу тот оказывает им холодный прием, поселив в жоломейку (бедную кибитку без решетчатых стен), а в качестве угощения подносит лишь одну чашку молочного чая (Арша-лама силой своей молитвы превращает ее в котел чая и борцоков), однако затем, узнав, что его навестил ханский сын Агта, переселяет их в свою кибитку, устраивает в их честь угощение, а затем одаряет новой одеждой. Герои пируют всю ночь, а наутро отправляются к кочевьям Мазан-батыра, чтобы попросить помощи у героя в борьбе с Авла-ханом⁸.

⁸ Памятники фольклора монгольских народов... Т. 4. С. 168–175.

В «Сказании о Нойтне» также хорошо заметна еще одна своеобразная особенность отдельных текстов исторического фольклора калмыков, а именно – активное использование «заместительных» имен по отношению к ханам. Данное явление, по-видимому, связано с тем, что в традиционной культуре калмыков существовало табу на произнесение ханского имени простолюдинами (об этом, в частности, упоминает Э.П. Бакаева, говоря о внуке Аюки – Дондук-Даши, известном также как Бальватин-хан [Бакаева 2018, с. 7]). Косвенно это подтверждается тем, что замещению обычно подвергаются только имена правителей, прежде всего Аюки и Аблая.

Феномен табуирования существенно затрудняет соотнесение фольклорных героев с их возможными прототипами. К счастью для нас, тождество Агты и Аюки может быть установлено благодаря другому преданию, где об этом заявляется прямо («Аюка хаана бас нег нернь»)⁹. Это позволяет предположить, что «Нойтна» в данном случае – никто иной, как Пунцок (отец Аюки).

Эпизоды «блуждания» Аюки-Агты известны также в варианте Ш.В. Боктаева [Алtn чеежтэ... 2010, с. 22–23] и в «Сказании о хане Пунцоке» («Пунцг хаана туск тууж»)¹⁰. Они представлены в них в значительно менее целостном виде, но при этом демонстрируют те же самые мотивы. Например, в первом случае Агта-Аюка также имеет двух нукеров, которых зовут Эргя-Тюргя и Тёмр Утцин (первый оказывается ненадежным, второй выручает хозяина из беды), блуждает в степи, а также находит приют у богатого калмыка (в этом варианте отождествлен с Дугаром). Во втором тексте блуждания представлены в очень свернутом виде: узнав о замыслах Хар Сахл Авлы (т. е. «Черноусого Авлы») убить его и посадить на ханский престол своего сына Цагана, Аюка бежит в безлюдную местность, где встречает некоего седобородого старца, который рекомендует ему искать заступничества у Мазан-батыра. В обоих текстах также сохраняется мотив юности будущего хана: в одном из текстов ему тринадцать лет, в другом – двенадцать.

Таким образом, можно предположить, что пребывание Аюки в Джунгарии было осмыслено устной традицией как нахождение во вражеском плену (или в безлюдной местности). Данная сюжетная ситуация при этом была прикреплена к нарративу о борьбе с Аблаем, возможно, в связи с тем, что победа над ним была одним из первых достижений калмыцкого правителя после его восхождения на престол. Вариант Ш.В. Боктаева также довольно любопытен тем, что в нем предводитель вражеского войска известен под именем Тоол-Мала. При этом он не является отцом соперника

⁹ Памятники фольклора монгольских народов... Т. 4. С. 189.

¹⁰ Там же. С. 129.

Агты-Аюки в борьбе за власть (хотя сохраняется мотив их принадлежности к одному роду) – в этой роли выступает некий безымянный старик, захваченный Мазаном в плен еще в самом начале конфликта. Однако нелегитимный претендент на ханский престол в этом тексте известен как Авлын Цаган, т. е. Цаган, сын Авлы. Исходя из этого можно предположить, что мы вновь сталкиваемся с феноменом табуирования имени правителя – в данном случае вражеского. Известен еще один текст, в котором противник героя фигурирует под сходным именем (Тольмун)¹¹.

Помимо эпизодов, восходящих к историческим событиям, экспозиционная часть предания о войне с Аблаем-тайши может также включать вкрапления нарративов более отвлеченного характера. Так, например, «Нойтна тууж» открывается развернутым повествованием о том, как были обнаружены чудесные качества коня Юзюнг Китада (Үзң Китд), способного покрыть расстояние шестнадцатидневной кочевки быстрее, чем будет разобрана и поставлена кибитка (впоследствии Нойтна покупает его Агте)¹². Вариант Ш.В. Боктаева, в свою очередь, содержит эпизод легендарного характера, в котором Мазан-батыр мешает отцу Авлын Цагана (вражеского претендента на ханский престол) благословить своего сына, из-за чего юноша со своим войском теряется в лесу [Алти чеэжтэ... 2010, с. 21–22].

Конфронтация

Эпизод непосредственной борьбы враждующих сил может рассматриваться как семантическое ядро повествований о войне с Аблаем-тайши. Можно выделить две формы, которые может принимать данное композиционное звено: столкновение двух армий или поединок между двумя батырами.

Особенность первого типа конфронтации – сравнительно реалистичное (насколько подобное понятие в целом применимо к фольклору) отображение военных действий. Прежде всего это касается характера изображения Мазана, который предстает именно полководцем. Красноречивой иллюстрацией подобного изображения может выступить соответствующая сцена из варианта Н.О. Очирова.

Сражение происходит у реки Ахтуба («Актуб гидг хол»). Поначалу преимущество находится на стороне калмыков, однако затем люди Мазана неожиданно поддаются панике и бегут («эргэд зулв»),

¹¹ Памятники фольклора монгольских народов... Т. 4. С. 181.

¹² Там же. С. 165–168.

преследуемые силами Аблая. Герой приказывает им бросить все имеющиеся при них ценности («Хамг хээртэ юман хайтн!») и тем самым отвлекает внимание вражеского войска, которое растягивается подобно аркану («арһмж мет сунад»). Воспользовавшись этой передышкой, калмыцкий нойон ведет свой полк в контратаку, рассеивает людей Аблая и уничтожает их, а самого вражеского предводителя захватывает в плен¹³.

Крайне показательно и то, что действия Мазана во многих отношениях соответствуют классической тактике монгольских народов, известной как минимум с XIII в. Для сравнения можно привести ее описание из «Хэй да ши люэ» (записок китайских дипломатов династии Сун при дворе великого хана Угэдэя).

«Иногда, только вступив в бой, они [монголы] прикидываются, что обратились в бегство, обманно оставляют в беде свой обоз и намеренно выбрасывают золото и серебро. Если враг думает, что они действительно разбиты, и не удерживается от того, чтобы преследовать их, он попадает в засаду их конницы и его часто полностью уничтожают» [Хэй да ши люэ 2016, с. 49]. Здесь также можно отметить, что калмыкам XVII в. определенно были знакомы приемы военного дела имперского периода (аспекты применения одного из них – так называемой вороньей стаи – были рассмотрены Л.А. Бобровым в соответствующей статье [Бобров 2014]).

Тактика ложного отступления фигурирует и в варианте предания Д. Джанахаева. В этом тексте калмыцкое войско состоит из пяти полков («бух»): Мазана, Бока, Дугара, а также Унджина и Дэнджина (родственников Аблая, которые воспитывались у героя и предпочли выступить на его стороне). Сам Агта-Аюка не участвует в сражении, но наблюдает за ним с высокого холма («ик өндр һазр деер»). В описании боя фигурируют эпические мотивы: например, уточняется, что Дугар сражался с Аблаем, а Мазан – с Цаганом, при этом вид героя вызвал у его противника страх («көндрдгө зүркн көндрэд одв» / «недрогнувшее сердце его задрожало»). Исход боя вновь решается ложным отступлением: полк героя отступает, Аблай преследует его, но тут полки Унджина и Дэнджина атакуют его с флангов («көң чавчлад»), а сам Мазан переходит в контратаку. Вражеский предводитель оказывается в плену, Цаган же бежит, но Мазан ранит его стрелой¹⁴.

Влияние эпоса в данном варианте может быть прослежено и на уровне лексики. Например, Мазан-батыр описывается как могучий великан («шил күзүнь бэрлдңһу, шилкисн цогц, ааһин чиңгэ

¹³ Памятники фольклора монгольских народов... Т. 4. С. 184–185.

¹⁴ Там же. С. 176–177.

нүдтэ»). Аналогичная лексическая картина наблюдается и в отношении его противника, который описывается как «Цаган, сын Аблая, имеющий волкоухого серко и твердокаменное (храброе) сердце» («чон чиктэ борта, чолун зүрктэ Авлин көвүн Цаган»), что перекликается с типичными батырскими характеристиками (ср. «Сайг саарл мөртэ Шарсл гидг баатр» или «хар халзн мөртэ Хадр Хар Авһин хан Сөнэк»).

В свою очередь в «Сказании о хане Пунцоке» используется иной вариант ложного отступления. В данном тексте Мазан советует Аюке выступить против Аблая с небольшой дружиной, привлечь его внимание, а затем отступить к озеру Цаган Нур и скакать вокруг него. Последовав совету героя, будущий хан заманивает вражескую армию в засаду: когда вражеское войско скачет вдоль берега, герой со своими воинами ударяет ему в тыл («Мазн Баатр эврәннь цергтэһэн Хар Сахл Авлын арднь орж авад, көөн йовж хаһад, хаана цергчринь алад бээв»). Узнав стрелу героя, Черноусый Авла пугается, после чего его сын Цаган с двумя своими сановниками уводит уцелевших воинов к реке Могата (Могат, т. е. Змеиная). Намокшая одежда замедляет их продвижение, и это позволяет Мазану с Аюкой захватить их всех в плен¹⁵.

Любопытно заметить, что, несмотря на свою близость историческому военному делу монгольских народов, действия героя также довольно четко укладываются в фольклорные модели трикстерского поведения. Как отмечает Е.С. Новик в исследовании, посвященном сказочным уловкам трикстера, «ядро трюка составляет провокация: все маскировки и симуляции независимо от их тактики призваны побудить антагониста на действия, выгодные самому трикстеру <...> трикстер учитывает цели антагониста, его способы действовать и использует их в собственных интересах <...> сам формирует у него такую цель, стремление к которой одновременно обеспечивает ему его собственный успех» [Новик 1993, с. 149–150].

Действия героя в рассмотренных нами случаях вполне соответствуют данной схеме. В варианте Н.О. Очирова в качестве ложной цели выступают драгоценности, в «Сказании о хане Пунцоке» – Аюка. Несколько сложнее ситуация в варианте Д. Джанахаева, где в подобном качестве предстает тактическое преимущество. Все это, впрочем, не означает, что сходство тактики героя с реальными приемами военного искусства является случайным (учитывая их тесное сходство). Можно предположить, что в данном случае имеет место наложение реальных практик на модели устной традиции.

¹⁵ Памятники фольклора монгольских народов... Т. 4. С. 130.

Второй тип конфронтации – поединок батыров – характеризуется еще большей близостью эпическим моделям, что в принципе неудивительно, учитывая подобную тему. Здесь представляется уместным вновь обратиться к варианту Н.О. Очирова, в котором, разгромив войско Аблая, Мазан-батыр подвергается нападению со стороны своего сына. Подобное соседство встречается довольно редко – обычно в тексте присутствует лишь одна форма конфронтации. Однако это и делает данный текст наиболее красноречивым.

Эпическое начало ярко проступает в характере изображения Цагана. Он предстает невероятной сильным батыром, который, ворвавшись в одиночку в калмыцкое войско, начинает побеждать и вязать лучших людей Мазан-батыра («арһта сэн залусинь хошад-неждэр авч һарад, күләд хаяд бээв», досл. «лучших людей по одному, по два хватал, связывал и бросал»). После того как он одолевает подобным образом пятьдесят человек, герой вступает с ним в единоборство, но оказывается побежден и обращен в бегство, а затем ранен вражеской стрелой. После этого герой обращается к Цагану, предлагает или добить его, или вытащить стрелу («Алхинь – наар шулуһар алыч, аврхинь – эн суман тач авич!»). Тот посылает к нему двух своих нукеров (любопытно, что они здесь носят имена Эргя Кюря и Тёмр Утцин), однако те оказываются слишком слабы, чтобы исполнить просьбу героя. Вернувшись к Цагану, они рассказывают ему о том, что Мазан находится на грани смерти («муурснь үнн кевтэ, геснь унжж, элкнь һарч»), и тот, облачившись в доспехи, едет захватывать героя в плен. Однако тяжелое состояние героя, по-видимому, оказывается ложным: когда Цаган подъезжает к нему, Мазан поднимается и, прокричав: «Вот тебе, племянничек, подарок, прибереженный твоим дядей по матери!» («Хээмнь, наһцхчнь чамдан хадһлсн нег белг билэ»), – поражает его выстрелом в горло. Раненый батыр бежит с поля боя, и Мазан одерживает верх в сражении¹⁶.

Данный пример ценен тем, что в нем четко видна разница в характере изображения героев в разных типах конфронтации. Предводители войска словно исчезают, сменяясь батырами – могучими сверхлюдьми, способными в одиночку определить исход войны. Ярче всего это отражено в образе Цагана, в одиночку одолевшего множество противников. Однако и сам Мазан-батыр проявляет качества эпического героя: во-первых, необычайную меткость, во-вторых – интеллектуальные способности, позволяющие ему перехитрить недруга (на уровне контекста становится ясно, что герой намеренно преувеличивает тяжесть своих ранений, чтобы спровоцировать Цагана на неосторожный поступок). Подобное

¹⁶ Памятники фольклора монгольских народов... Т. 4. С. 185–186.

действие соответствует одной из выделенных Е.С. Новик стратегий поведения трикстера, при которой последний «преуменьшает в глазах антагониста себя как потенциального противника: маскируется под друга, сообщника, родственника, больного, ребенка, мертвого» [Новик 1993, с. 148].

Крайне интересно отметить, что при этом Цаган словно бы осознает возможность обмана со стороны Мазана и потому проявляет необъяснимую осторожность. Это проявляется в том, что он дважды посылает к герою своих людей (можно даже предположить, что он не доверяет Эргя Кюря из-за его происхождения; уместно вспомнить, что нукер с этим именем оказывается ненадежным и в тех случаях, когда выступает на стороне Аюки), а поехав захватывать героя, он облачается в доспехи (что кажется излишним, так как сын Аблая уже побеждал Мазана).

Все это еще раз подтверждает, что фольклорному образу Мазан-батыра свойственны трикстерские черты. В этом отношении победа над Цаганом может быть поставлена в довольно широкий типологический контекст: убийство Полифема Одиссеем, победа Алеси Поповича над Тугариным, хитрость нартского Сосурука, с помощью которой тот убеждает великана заморозить самого себя в озере, и другие ситуации, в которых эпический герой побеждает более сильного врага с помощью ума.

Эпизод поединка батыров предстает в сходном виде и в других вариантах предания. В частности, сам семантический каркас уловки Мазан-батыра (превосходство противника, симуляция беспомощности, двух-трехкратные попытки проверить подобное состояние и внезапный выстрел из лука, поражающий застигнутого врасплох недруга) примерно одинаков во всех текстах. Однако при этом соответствующие тексты обладают некоторыми уникальными особенностями, на которых необходимо остановиться вниманием.

В варианте Ш.В. Боктаева дядя Тоол-Мала владеет непробиваемой для стрел чугунной кольчугой («сумн ивтрдго цө көшг»), из-за чего Мазану и приходится идти на ухищрения, чтобы победить его. Данный мотив крайне интересен в свете того, что, согласно сведениям исторических источников, исторический Аблай-тайши предпринимал попытки завладеть доспехами Ермака, веря в то, что чудесная сила этого снаряжения сделает своего обладателя непобедимым (соответствующие сведения приводятся в Ремезовской летописи [Миллер 1999, с. 260, 486]). Если исходить из сделанного ранее предположения о том, что Тоол-Мала – это заместительное имя хошутского правителя, то подобный мотив – еще одна точка пересечения между сведениями историографии и фольклорными сюжетами. В пользу этого говорит и упоминание о доспехах Цагана в варианте Номто Очирова. Впрочем, нельзя

забывать о том, что мотив неуязвимости противника достаточно часто встречается и в отношении другого противника Мазан-батыра – богатыря-иноземца. Таким образом, данный вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Другой эпизод поединка батыров представлен в варианте Лиджи-Горя Цоргаева¹⁷. Данный текст отличается сравнительной краткостью, повествуя лишь о том, как Мазан-батыр победил своего дядю («наһц») Тольмуна, при этом о причинах войны между ними ничего не сообщается.

Повествование начинается с сообщения о том, что израненный («һурви зун шавта билә гиж келгднә», досл. «сказывают, что он получил три сотни ран») Мазан-батыр вернулся с войны и встал со своим войском на берегу Волги, где его окружили силы его дяди Тольмуна. Последний потребовал выдать ему племянника, на что герой заявил, что не может ходить («босч йовдг арһ уга») и потому просит дядю прийти к нему. Герой также сказал, что его войско побросало оружие во время отступления («бидн зер-зевән (селмән), цергән цуцлад хайчквидн»). После этого Тольмун дважды посылает своих нукеров, чтобы убедиться в правдивости слов героя, а затем отправляется к нему лично, но становится жертвой обмана – Мазан подстреливает его из своего огненного лука под названием «личная стража» («әмни сәкүл» гидг һал саадган деләд»), после чего собирает своих воинов и выходит из окружения.

Завершая рассмотрение конфронтации, важно отметить, что независимо от формы, которую принимает данный эпизод, его можно рассматривать как еще один пример феномена фольклорной компрессии. В обоих случаях продолжительный конфликт сводится к одному сюжетному событию, при этом военное столкновение оказывается равнозначным поединку между двумя сильнейшими воинами.

Эпизод (судьба Аблая)

Большинство преданий данной группы заканчивается поражением Аблая. Однако в некоторых случаях сюжет продолжает развиваться и после окончания конфликта. В настоящее время нам известно два текста, содержащих сравнительно развернутые сюжетные эпизоды. Любопытно, что оба посвящены именно дальнейшей судьбе Аблая.

Первое из них – «Сказание о Нойтне». В данном предании захваченный в плен Авл-хан просит о встрече с Мазан-батыром.

¹⁷ Памятники фольклора монгольских народов... Т. 4. С. 181–182.

Герой пытается избежать ее и ради этого дважды уговаривает Дугара притвориться собой (во втором случае он даже отдает ему свою одежду). Однако обман раскрывается, и Аблай с бранью прогоняет лже-Мазана. В третий раз герой приходит сам, после чего пленник просит дать клятву не бросать его в русскую тюрьму. Мазан соглашается, но в итоге изменяет своему слову. Перед тем как его увозят, Аблай предрекает Дугару, что на следующий год, в этот же день и месяц, тот также будет брошен в темницу («Эсрндэн эн сарин эн одрт мини ардас чи, Дуһар, бэргдж орсин харт ирх бол»). Эти слова сбываются: воссев на ханский престол, Агта-Аюка велит опоить Дугара, а затем отправляет его на заточение в Астрахань¹⁸.

Данный эпизод представляет еще один пример тесной связи между сюжетами преданий данной группы и данными исторических источников. Как известно, вскоре после победы над Аблаем Аюка-хан действительно передал исторического Дугара русскому правительству в качестве изменника.

Второй пример – эпилог в «Пунцг хаана туск тууж» – носит иной типологический характер. В этом предании Аюка и Мазан относятся к Черноусому Авле с уважением (например, подносят угощение из трех видов мяса). Несмотря на это, пленник чувствует сильнейшую обиду и совершает самоубийство, вырвав из груди собственное сердце, которое некоторое время разглядывает, а затем с негодованием отбрасывает прочь со словами: «Думал, что мое сердце из стали, а оно, оказывается, просто мясо!» («Зүркэн болд зүркн гиж сандг билэв, хоосн бор махн бээж»), – и умирает. Однако когда люди начинают готовить его тело к погребальному обряду, выясняется, что его сердце действительно было стальным внутри («дотркн болд болж харна»)¹⁹.

Сюжет данного эпизода перекликается с финалом предания об одном из воинов Аюки-хана по имени Зомбар. Этот батыр попадает в плен после изнурительной битвы, однако врагам никак не удается казнить его. Устав от их бесплодных попыток, герой подсказывает, что восемь сильнейших чужеземных богатырей должны придавить его к земле, а предводитель вражеского войска – разрезать грудь и вытащить сердце. Исполнив его волю, вражеский лидер показывает сердце Зомбару, после чего калмыцкий богатырь восклицает: «Треугольный серый кусок мяса, а я представлял свое сердце четырехгранной сталью! Ни к чему ты оказалось негоже!» – и погружается в нирвану²⁰.

¹⁸ Памятники фольклора монгольских народов... Т. 4. С. 177–179.

¹⁹ Там же. С. 130–131.

²⁰ Семь звезд: калмыцкие легенды и предания / Сост., пер. с калмыц., вступ. ст., коммент. Д.Э. Басаева. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2004. С. 296–297.

Очевидное сходство (почти полная идентичность) этих двух эпизодов позволяет сделать вывод о том, что данный микросюжет в калмыцкой традиции носит типический характер, изображая смерть могучего батыра. Таким образом, в «Сказании о хане Пунцоке» черты эпического героя приобретает уже Аблай, гибель которого изображается в возвышенных и даже трагических тонах.

Лучший воин и эпический государь

Если взглянуть на характер изображения Мазан-батыра в рассмотренных нами композиционных звеньях сюжета, становится очевидно, что герою принадлежит центральная роль. Так, в эпизодах конфронтации выступает основным поборником Аюки, командует войсками, нанося поражение Аблаю, и лично одолевает предводителя (или сильнейшего воина) вражеского войска. Существенна роль Мазана и в сценах экспозиционного характера: вплоть до того, что в некоторых случаях он выступает инициатором откочевки калмыков из Джунгарии в Поволжье. Определенный статус имеется у героя и в известных нам вариантах эпикоса: он несет ответственность за судьбу Аблая в одном и выступает наравне с Аюкой во втором.

Подобное положение, на наш взгляд, может объясняться воздействием моделей эпического творчества на исследуемую традицию. Речь в данном случае идет о феномене устойчивого разграничения ролей между различными персонажами эпоса. Еще Е.М. Мелетинский отмечал, что в различных культурных контекстах правитель «эпической державы» (Конхобар, Карл Великий, князь Владимир, Джангар и т. д.) выступает «более или менее пассивной фигурой», в то время как его вассалы (богатыри, воины) являются главными действующими лицами [Мелетинский 1957, с. 104].

Подобная схема прослеживается и в рассматриваемой традиции. На фоне Мазана, принимающего деятельное участие в большинстве сюжетных коллизий, Аюка действительно выступает как бездеятельная фигура. Он во многом зависит от других персонажей: верного нукера, выручающего его из плена, мудреца, указывающего ему верный путь, богатого сторонника (в сюжетах о «блужданиях») и т. д. Показательно также, что в сражениях ему нередко достается роль комментатора, а не активного участника (например, в вариантах Н.О. Очирова и Д. Джанахаева). Можно даже предположить, что устойчивое представление о молодости

калмыцкого правителя связано в том числе и с влиянием данной типологической модели.

Здесь интересно заметить, что представление о несколько зависимой роли хана в защите своей власти известно не только в фольклоре, но и в калмыцкой историографии. В частности, калмыцкий летописец-эмчи Габан Шараб упоминает о том, что именно Дугар «его правителем калмыцкого народа учинил»²¹. Исходя из этого можно предположить, что фигура Мазан-батыра (исторический прототип которого также находился в родстве с калмыцкой правящей семьей) заменила Дугара в качестве главного поборника Аюки по мере развития устной традиции.

Признаки эпического распределения ролей присутствуют и на противоположной стороне. Чаган, сын Аблая, устойчиво изображается более опасным противником, чем сам тайши. Показательно, что в некоторых вариантах сюжета он побеждает Мазан-батыра в открытом противостоянии, в других – оказывает герою сопротивление, в то время как его отец поддается страху и т. д. Не случайно, по-видимому, и то, что предания описывают его в эпическом духе, наделяя необычайной храбростью и необычным конем.

Выводы

Наиболее заметной особенностью преданий о войне Мазан-батыра с Аблаем-тайши является высокая степень приближенности к историческим реалиям. Прежде всего это выражается в том, что сюжеты соответствующих повествований обладают достаточно четкой связью с породившим их событием – военным противостоянием между калмыцкими тайшами и силами Аблая конца 60-х – начала 70-х гг. XVII столетия. Основным признаком здесь выступают имена действующих лиц: Аюки-хана, тайши Аблая, Дугара, Бока, Солом-Церена и других, а также некоторые реалии географического характера.

Другим проявлением высокой реалистичности данных повествований является характер изображения героев. Мазан-батыр и остальные калмыцкие тайши изображаются в первую очередь как полководцы – командуют войсками, сходятся на поле боя и т. д. При этом использованные Мазан-батыром стратегии оказываются достаточно близки описаниям традиционных тактических приемов военного дела монгольских народов.

---

²¹ Лунный свет: калмыцкие историко-литературные памятники... С. 95.

Относительно высокая степень «достоверности» преданий проявляется и в различных совпадениях с данными историографии на сюжетном уровне. Среди них можно назвать небольшое повествование о Тюмен-Джиргалане, представление о юном возрасте Аюки, неуязвимых доспехах Тоол-Малы (Аблая) и ряд других мотивов.

Все вышесказанное, разумеется, не отменяет сильного влияния моделей устного творчества, прежде всего эпического творчества. Важную роль в сохранении сообщений исторического характера играют различные селекционно-компрессионные процессы, близкие тем, что могут быть прослежены в отношении эпоса «классической» формации. Так, повествование о войне с Аблаем может рассматриваться как своего рода семантический каркас, к которому присоединяется повествование о других событиях, например о переселении калмыков в Поволжье или о возвращении Аюки из Джунгарии.

Наиболее сильным проявлением «фольклорной компрессии», без сомнения, является тенденция к «сужению» конфликта. Военное противостояние, длившееся порядка трех лет, в устной традиции сводится до одного события – битвы или даже поединка между батырами. Ключевую роль в данных ситуациях играет Мазан-батыр – именно он занимается организацией войска (например, собирает калмыцких тайши), разбивает силы Аблая, побеждает его сына Цагана и так далее. В изображении героя явно доминируют черты трикстера: способность предугадывать действия противника и вводить его в заблуждение, провоцируя на выгодные для Мазана действия. Однако присутствуют в его образе и чисто богатырские черты: необычайная меткость, исполинские физические габариты, способность наводить ужас на врагов и т. д.

Существуют основания полагать, что влияние эпоса проявляется и в стереотипизации ролей отдельных персонажей. Так, Аюкахан наделяется чертами типичного эпического государя, выступая зависимой и даже несколько пассивной фигурой. В свою очередь роль Мазан-батыра, наоборот, расширяется – зачастую именно герою принадлежат лавры победы над Аблаем-тайши, что уподобляет его фигуре сильнейшего богатыря.

В структурном отношении предания о войне с Аблаем характеризуются достаточно высокой степенью вариативности (вероятно, в связи с тенденцией к расширению за счет инкорпорации различных нарративов исторического характера). Наиболее вариативной частью выступает экспозиция, которая нередко может включать в себя отдельные повествования, слабо связанные с основным сюжетом. Аналогичное положение, по-видимому, занимает и эпилог (повествующий о том, что происходит после поражения

Аблая), однако сравнительно небольшое число текстов, имеющих в нашем распоряжении, не позволяет делать об этом каких-либо выводов.

Ядром повествования является именно сцена коллизии между двумя противостоящими силами, независимо от ее конкретной формы. Иногда поединок батыров и схватка армий могут соседствовать в одном тексте, чаще всего конкретный текст содержит один из этих эпизодов. На основании этого можно говорить об определенной эквивалентности данных сцен.

Литература

- Алексеева 2010 – *Алексеева П.Э.* О людях и времени: сб. статей. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 176 с.
- Алтн чеежтэ... 2010 – Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня = Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев / Сост., предисл., коммент., прил. Б.Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с.
- Бакаева 2018 – *Бакаева Э.П.* «Кюря Бальватин-хана»: анализ состава культовых построек в контексте калмыцких традиций // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2018. № 5. С. 5–42.
- Бобров 2014 – *Бобров Л.А.* «Воронья стая» над Крымом: Татарско-калмыцкое противоборство в степях Северного Причерноморья (сентябрь 1661 – январь 1663 гг.) // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 238–248.
- Генеалогия 2011 – Генеалогия икицохуровских хошутов: (по материалам, собранным Ш.В. Боктаевым) / Сост. Б.Б. Манджиева. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 326 с.
- Гуцинов 1968 – *Гуцинов М.И.* Об отношениях калмыков с донскими казаками во второй половине XVII века // Вестник. Вып. 3 / Отв. ред. И.И. Орехов. Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 1968. С. 43–94.
- Колесник 2003 – *Колесник В.И.* Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Восточная литература, 2003. 286 с.
- Мелетинский 1957 – *Мелетинский Е.М.* Вопросы теории эпоса в современной зарубежной науке // Вопросы литературы. 1957. № 2. С. 90–112.
- Миллер 1999 – *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. М.: Восточная литература, 1999. 630 с.
- Митиров 1998 – *Митиров А.Г.* Ойраты – калмыки: века и поколения. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 1998. 382 с.
- Неклюдов 2015 – *Неклюдов С.Ю.* Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. 214 с.

- Новик 1993 – *Новик Е.С.* Структура сказочного трюка // От мифа к литературе: сб. в честь 75-летия Е.М. Мелетинского / Сост. и вступ. ст. С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. М.: РГГУ, 1993. С. 145–160.
- Сенглеев 2017 – *Сенглеев Б.Ю.* Мазан-батыр – эпический герой в калмыцком фольклоре // Традиционная культура. 2017. № 4 (68). С. 170–181.
- Сенглеев 2019 – *Сенглеев Б.Ю.* Героическое детство в фольклорном цикле Мазан-батыра // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 3. С. 119–130.
- Тепкеев 2011 – *Тепкеев В.Т.* Хан Аюка: первые годы правления // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2011. № 1. С. 35–42.
- Хэй да ши люэ 2016 – «Хэй да ши люэ» – источник по истории монголов XIII в.: сб. статей / Отв. ред. А.Ш. Кадырбаев. М.: Наука – Восточная литература, 2016. 254 с.

References

- Alekseeva, P.E. (2010), *O lyudyah i vremeni* [Of people and times], Izdatel'stvo KIGI RAN, Elista, Russia.
- Bakaeva, E.P. (2018), “Khurya of Balvatin-khan. Compositional analysis of ritual structures in context of Kalmyk tradition”, *Problemy etnicheskoi istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov*, no. 5, pp. 5–42.
- Bobrov, L.A. (2014), “ ‘Crows flock’ over Crimea. Military engagements between Tatar and Kalmyks in the steppes of Northern Circum-Pontic region (September of 1661 – January 1663)”, *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*, no. 6, pp. 238–248.
- Guchinov, M.I. (1968), “On the relations of the Kalmyks with the Don Cossacks in the second half of 17th century”, *Vestnik Kalmyt'skogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*, vol. 3, pp. 43–94.
- Kadyrbaev, A.Sh. (ed.) (2016), “*Hei da shi lyue*” – *istochnik po istorii mongolov XIII v.: sbornik statei* [“Khei da shi lyuie” – a source on Mongol history of 13th century], Nauka – Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Kolesnik, V.I. (2003), *Poslednee velikoe kochev'e: perehod kalmykov iz Tsentral'noi Azii v Vostochnuyu Evropu i obratno v XVII i XVIII vekakh* [The last great nomadic migration: Kalmyk journey from Central Asia to Eastern Europe and their return in 17th – 18th centuries], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Mandzhieva, B.B. (comp.) (2010), *Altn cheezhta kelmrch Boktan Shanya. Khranitel' mudrosti narodnoi Shanya Boktaev* [Boktan Shanya: The keeper of the folk wisdom], Izdatel'stvo KIGI RAN, Elista, Russia.
- Mandzhieva, B.B. (comp.) (2011), *Genealogiya ikitsokhurovskikh khoshutov (po materialam, sobrannym Sh.V. Boktaevym)*, [Genealogy of Iki-Tsokhur Khoshuts (based on data gathered by Sh.V. Boktaev)], Izdatel'stvo KIGI RAN, Elista, Russia.

- Meletinskii, E.M. (1957), "Issues in the theory of epic in the today foreign science", *Voprosy literatury*, no. 2, pp. 90–112.
- Miller, G.F. (1999), *Istoriya Sibiri* [History of Siberia], vol. 1, Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Mitirov, A.G. (1998), *Oiraty – kalmyki: veka i pokoleniya* [Oirat – Kalmyks. Centuries and generations], Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, Elista, Russia.
- Neklyudov, S.Yu. (2015), *Poetika epicheskogo povestvovaniya: prostranstvo i vremya* [Poetics of the epic narrative. Space and time], Forum, Moscow, Russia.
- Novik, E.S. (1993), *Struktura skazochnogo tryuka* [Structure of a trick in folktales], in Neklyudov, S.Yu. and Novik, E.S. (comp.), *Ot mifa k literature. Sb. v chest' 75-letiya E.M. Meletinskogo* [From myth to literature. A collection in honor of the 75th anniversary of E.M. Meletinsky], RGGU, Moscow, Russia, pp. 145–160.
- Sengleev, B.Yu. (2017), "Mazan-batyr – epic hero of Kalmyk folklore", *Traditsionnaya kul'tura*, no. 4 (68), pp. 170–181.
- Sengleev, B.Yu. (2019), "Heroic childhood in the folklore cycle of Mazan-batyr", *Traditsionnaya kul'tura*, vol. 20, no. 3, pp. 119–130.
- Терпеев, В.Т. (2011), "Ayuka-khan. First years of reign", *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*, no. 1, pp. 35–42.

Информация об авторе

Борис Ю. Сенглеев, кандидат филологических наук, независимый исследователь, Москва, Россия; jingnh@inbox.ru

Information about the author

Boris Yu. Sengleev, Cand. of Sci. (Philology), independent researcher, Moscow, Russia; jingnh@inbox.ru